

Петр Боборыкин

Жизнерадостный скептик

Петр Боборыкин
Жизнерадостный скептик

«Public Domain»

1892

Боборыкин П. Д.

Жизнерадостный скептик / П. Д. Боборыкин — «Public Domain», 1892

ISBN 978-5-457-14163-6

«Есть два Ренана: один – полупоупендарный, другой – настоящий, реальный, оставшийся в памяти тех, кто имел случай хоть немного знавать его. И вряд ли конец нашего века создал еще одну личность, где бы между нравственным обликом человека, сочиненным в известных сферах, и его живым, неподдельным типом, было так мало соответствия...»

ISBN 978-5-457-14163-6

© Боборыкин П. Д., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Петр Дмитриевич Боборыкин

Жизнерадостный скептик

(Из воспоминаний о Ренане)

I

Есть два Ренана: один – полуполюгендарный, другой – настоящий, реальный, оставшийся в памяти тех, кто имел случай хоть немного знать его. И вряд ли конец нашего века создал еще одну личность, где бы между нравственным обликом человека, сочиненным в известных сферах, и его живым, неподдельным типом, было так мало соответствия.

Ренан был для католического духовенства не простым грешником, а отщепенцем, предателем. Ведь он воспитался в семинарии!! Он – своего рода Конрад Валленрод. С детских лет вкусил он от теологической мудрости. В семинарии подготовили его к работе экзегета. Такие вещи не прощаются даже и в лагерях, где безусловно не царит догмат.

До самой его смерти (а ведь он жил почти 70 лет), кто бы о нем ни говорил в печати, дружелюбно или враждебно характеризуя его, непременно намекал или прямо указывал на то, что в нем чувствуется *семинарист*, что он сохранил и облик и обхождение католического патера, несмотря на свой явный бунт против предания, что по складу своей души, по оттенку в направлении мышления он все-таки отзывается тем тяжелым казенным зданием около церкви св. Сюльпиция, где квадратная площадка украшена статуями великих церковных ораторов Франции...

Что же мудреного в легендарных наветах скандального характера, зашипевших вокруг личности Ренана? Когда я в первый раз попал в Латинский квартал, еще очень легко было, живя среди студентов, молодых ученых и писателей, очутиться в воздухе довольно горячих прений по поводу книги Ренана, остающейся до сих пор его главным патентом на многовековую известность. И тогда уже мне приводилось слышать от собеседников (враждебно, по-якобински смотревших на католичество) о подробностях его частной жизни, каких можно ожидать только от непримиримых врагов.

По этой части вы можете всегда и везде наблюдать характерный общественно-психический факт. Человек выступил с чем-нибудь прямо симпатичным для всех, кто разделяет известные воззрения; он своей книгой, пропагандой или социальной борьбой необычайно двинул вперед признание дорогих им принципов. Будь он их товарищ по школе, воспитывайся он с детства в безразличной сфере, люди этого лагеря будут всегда защищать его гораздо искреннее и горячее, чем если бы он по первоначальному своему воспитанию *мог попасть во враждебный лагерь*.

То же замечал я еще в то время, во второй половине 60-х годов, в толках о Ренане тогдашних моих сверстников по Латинскому кварталу, хотя обаяние его имени было очень высоко; сознание важности того, что он предпринял, гораздо ярче и острее, чем теперь. Он был для молодежи в последнее пятилетие Второй империи одним из самых крупных вожakov свободомыслия. От него не требовали радикальной политической программы; знали и тогда, что он мирится с политическим режимом, так как еще 10 лет перед тем принял место при казенном учреждении, при *императорской* публичной библиотеке, а позднее был назначен одним из верных слуг Наполеона III, министром Дюрюи, профессором в *College de France*.

Правда, из-за скандала, устроенного ему клерикалами, он тотчас же вышел в отставку, но все-таки мирился с тогдашней властью, которая в лице министерства народного про-

свещения выказывала себя гораздо шире по общему направлению, чем часть молодежи, подстрекаемая старыми клерикалами и устроившая Ренану знаменитую демонстрацию 2-го февраля 1862 года.

Все знали также, что Ренан вместе с Сент-Бёвом и некоторыми профессорами и писателями того десятилетия – обычный гость «Пале-Рояля», где жил принц Наполеон. Этот убежденный отпрыск бонапартова дома всегда был поддержкой цезаризма, несмотря на свои якобы республиканские чувства. Но *тогда* принц Наполеон находился в постоянной дворцовой оппозиции. Его считали свободным мыслителем; он терпеть не мог императрицы и ее испанского ультрамонтанства; вместе со своей сестрой, принцессой Матильдой, он ставил себя просветительным меценатом; в их салонах собиралась тогда не чисто политическая, а *литературно-идейная оппозиция* всему, что пропитано духом обскурантизма.

Но и в то время в кружках, где мне привелось бывать, на Ренана смотрели уже как на скептика-эпикурейца, в душе которого остался осадок туманного спиритуализма. Строгим научно-философским мыслителем не считали его даже и более юные мои сверстники. Но самый определенный взгляд на него в этом смысле нашел я в кружке позитивистов, группировавшемся вокруг старика Литтре.

В 1867 году был основан журнал «La Philosophie Positive» с Литтре во главе, по инициативе и при материальном участии нашего соотечественника (отчасти даже москвича) Г. Н. Вырубова.

Теперь эта эпоха кажется уже *очень давней*, хотя ей минуло всего четверть века. Было бы занимательно и полезно восстановить ее физиономию. Здесь я могу коснуться ее только попутно.

Последние годы Второй империи останутся для людей моей генерации, живших тогда в центре европейского движения, светлой памятью, и, мне кажется, не потому только, что все это *было*, и великий наш поэт обмолвился простым и вечным афоризмом: «Что пройдет, то будет мило...»

Теперь принято считать даже и конец Второй империи удушливым, смрадным временем. Любой француз-патриот будет повторять вам фразы о растлевающем действии бонапартизма, доведшего Францию до разгрома 1870 года. Гнет и гниль этого режима чувствовали и тогда на левом берегу Сены все те, кто не мирился с ним и работал над возрождением Франции. Не в виде заговоров и политической агитации делали они это, а не переставая проводить траншеи во имя знания, философской мысли, нравственного и общественного идеала, готовили путь тем, кто так легко, в один день, почти в несколько минут, с трибуны Законодательного Корпуса провозгласил династию Наполеонидов падшей и на ее место посадил опять изгнанницу во фригийском колпаке.

И что же! Тогда, в эти пять последних лет седьмого десятилетия, в Латинской стране Парижа дышалось гораздо лучше, чем двадцать лет спустя, не потому, чтобы было больше политической свободы. Нет! Но все мыслящее и честное готовилось к борьбе, служило идее; не было, как теперь, разъедаемо самодовольным сенсуализмом, слащавой метафизикой или презрительным равнодушием к тому, что на парижском жаргоне называется: «les grands dada»¹.

---

¹ любимый конёк (*фр.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.